

Принял

ВЕХИ ИСТОРИИ

Немногие из зрителей МХАТ'а знают, что здесь же в театре, ввиду, направо от главного входа, расположены семь комнат мхатовского музея. Он открыт во время антрактов. Старый писатель Николай Дмитриевич Телешев руководит и заведует этим музеем.

Мы вкладываем в понятие „музей“ иное содержание, непохожее на то, что подразумевалось раньше под этим словом. Наши музеи отличаются от скучных складов, от безжизненных хранилищ прошлого именно своей динамичностью, своей устремленностью. Музеи нашей страны призваны учить, агитировать, развлекать.

И вот бывает так. Бывает, что в творческой работе с молодыми актерами Владимир Иванович Немирович-Данченко или Константин Сергеевич Станиславский в спорах о деталях новой постановки скажет:

— Нет, здесь, пожалуй, без визита к Николаю Дмитриевичу не обойтись.

И седой Станиславский и юный, только что вступающий на порог искусства актер приходят в эти семь комнат и обращаются с запросом: Нелзя ли вспомнить, как проводил такую-то сцену юный, кипящий жизнерадостностью и мало еще кому известный любитель Алексеев, играя Отелло? Этот любитель вошел в историю театра под фамилией Станиславского. Запрос удовлетворится. Конечно, вспомнить можно. Соответственная витрина с точностью воспроизводит необходимые подробности.

Бывает еще и так. В антракте группа зрителей, например ударников-рабочих и инженеров с крупнейшего завода, входит в двери музея, чтобы понять те пути, которые привели театр к спектаклю, только что виденному.

В этих семи комнатах подобно страницам незабываемой книги перелистываешь главы из истории театра. Они запечатлены в макетах пьес, в эскизах художников, в фотоаппаратурах, в рукописях режиссеров и драматургов, в статутках, клише, письмах, в рукописях, в тысячах книг. И переносясь в прошлое, мы начинаем понимать настоящее.

Вот мы стоим на пороге создания МХАТ'а. Годы 1877—1887. Юный энтузиаст театра Константин Алексеев, его братья, сестры и друзья создают драматический кружок на даче в Любимовке. По пыльным улицам Москвы они везут на дачу свои сокровища: несколько спитых дома костюмов, два джика с гримом, кусок кумача. В дачном сарае они ставят „Лили“ и „Нити“.

И пока они лицедействуют в дачном сарае, параллельно идет, еще не скрещиваясь, другая линия другой творческой жизни — Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Он романист, новеллист, драматург и режиссер. В 1891 году он становится преподавателем драматической школы при Московской филармонии.

И тут же, под стеклом музейной витрины, запечатлены не только первые шаги мастеров, которые в будущем провезут славу МХАТ'а по всему миру, но и свидетельства человеческой глупости и развязности. Она пожелтела от времени, эта вырезка из купеческой газеты „Раннее утро“. Она вещает из прошлого, характеризует эпоху сильнее сотен других документов. Репортер пишет неграмотно и развязно: „Был в Малом театре на последнем экзаменационном театре учеников Филармонии. Разолался на Немировича-Данченко. Хороши у него ученики и ученицы... хорошие. Среди них первое место бесспорно принадлежит г-же Книппер: хорошенькая женщина, грациозная и изящная, с огоньком и следами хорошей школы. Но вы, госпожа Книппер, не возгордитесь и не прельщайтесь первыми успехами ролей...“

Вот первое скрещение двух творческих линий, которое родило МХТ. Визитная карточка В. И. Немировича-Данченко, адресованная К. С. Станиславскому и датированная февралем 1898 года. На ней мелким бисерным почерком: „Получили ли вы мое письмо? Говорят, вы будете в Москве завтра, в среду. Я буду в час в „Славянском базаре“, не увидимся ли? Или известите по

прилагаемому адресу — когда и где?“

Эта встреча началась в два часа дня и кончилась в восемь утра. Эти восемнадцать часов родили МХТ.

Так начался путь театра. Он вовлек в свою орбиту Максима Горького и Леонида Андреева, Александра Блока и Найденова, Кнута Гамсуна и Метерлинка. Лучшие артисты мира говорят с нами из прошлого о своем восхищении и взволнованности. Ермолова и Федотова, Давыдов и Южин-Сумбатов, Мунз-Сюлли, Вера Комиссаржевская и Сарра Бернар, имена звучащие гордо, оценой мирового искусства, оценивают победы и поражения театра. Мировая критика тысячами голосов на английском, французском, итальянском, немецком, русском, испанском, индусском, даже санскритском и латинском языках вступает в споры об образах, созданных МХТ'ом.

Мы не склонны к бесцельным прогулкам в прошлое. Наш зритель, приходящий в МХТ, это гражданин величайшей эпохи, это работник величайшей стройки, это создатель новой социалистической карты великой нашей страны. И входя в двери музея МХАТ'а между двумя актами спектакля, он идет по вехам истории в прошлое с целенаправленной задачей. От желтой рецензии бульварной газеты до великолепного лондонского издания книги Станиславского „Моя жизнь в искусстве“, от макетов лучших постановок до кукол сиздальских кустарей, которые выделяли игрушки, изображающие героев мхатовских спектаклей, — наш зритель хочет осознать роль МХАТ'а в творческой жизни нашей страны. Он идет мимо музейных витрин, по полям прошлого, для того, чтобы твердыми шагами вступить в будущее. Так, на наших глазах, музей МХАТ'а, собрание документов его истории, становится живой и плодотворной школой зрителя. При этом — советского зрителя, который впитывает наследство прошлого с одной исключительной и настоящей целью: строить настоящее и будущее.

БОР. ОЛЕНИН